

УДК 81'42 + 81'27

С. В. Козлов

Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия

E-mail: feld@ngs.ru

МЕСТО РОССИИ В УКРАИНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируются исторический контекст и механизмы воздействия масс-медиа на конструирование и поддержание украинской национальной идентичности, выявляется место, которое занимает Россия в украинском медийном дискурсе.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, медийный дискурс, Украина, национальная идентичность, дискурсивное конструирование России.

Проблематика конструирования и воспроизводства национальной идентичности в настоящее время является одним из ключевых направлений исследований в социогуманитарных науках. Введенное Бенедиктом Андерсоном (Benedict Anderson) понимание нации как «воображаемого сообщества» позволило отказаться от антропоморфизации и реификации нации и сосредоточить исследовательское внимание на механизмах конструирования и поддержания национальной идентичности (подробнее см.: [Андерсон, 2001]).

Дальнейшее развитие конструктивистского подхода к анализу больших социальных сообществ позволило установить, что нация конструируется дискурсивно. Майкл Биллиг (Michael Billig) ввел понятие «банального национализма», обратив внимание на то, что «нация не воспроизводится сама собой. Для этого необходимы банальные практики, а не сознательный выбор или коллективные акты воображения» [Биллиг, 2007. С. 36] Наряду с явно артикулированным национализмом политиков, использованием национальных символов для репрезентации принадлежности к государству-нации и прочими практиками значительную роль в воображении символического един-

ства нации, конструировании и воспроизводстве национальной идентичности играют медиа, которые являются институциональным посредником между аудиторией и «большим миром». «Медиа, понимаемые как средства массовой коммуникации, становятся главными инструментами создания социальной реальности, социума как такового, сферы публичности», – отмечает украинский медиаисследователь Андрей Кулаков [2010. С. 92]. Именно медиа делают для индивида возможными выход за пределы неизбежно ограниченного персонального опыта и приобщение к таким символическим целостностям, как «(своя) страна», «родина», «народ», «нация». Изображая происходящее в «своей» стране как затрагивающее всех ее жителей, средства массовой коммуникации воссоздают общие представления о существовании национальных сообществ. Повседневное непроблематичное восприятие происходящего внутри территориальных границ «своего» государства поддерживает идентификацию индивида с национальным сообществом и обуславливает восприятие им себя как естественной и неотделимой части нации.

При этом упоминания о нациях и «своей» нации не обязательно носят эксплицитный

характер, появляясь в текстах, посвященных государственной политике, национальным интересам и проч. Гораздо более частыми являются имплицитные упоминания о «родине», которые даже не требуют ее названия. «Самые важные слова банального национализма зачастую оказываются самыми короткими: “мы”, “это” и “здесь”» [Биллинг, 2007. С. 35]. Медийные практики, поддерживающие подобные представления, носят рутинный характер и, как правило, не осознаются ни медиапроизводителями, ни медиапотребителями. Производство и потребление медийных текстов при этом превращается в ритуал приобщения к символическому национальному целому (подробнее см.: [Черных, 2012]), а национальная идентичность приобретает приоритет над любыми другими (региональными, демографическими, профессиональными и проч.).

Особенностью медийного дискурса является то, что основное место в нем неизбежно занимает «своя» страна и неявно отождествляемая с ней нация. Дискурс масс-медиа способен различными способами предлагать читателям / зрителям идентифицировать себя со «своей» страной и «своей» нацией. Необходимым условием конструирования и воспроизводства коллективных представлений о «своей» нации является наличие Других и определение границ (политического) сообщества¹. «Любое сообщество конституируется через определение своих внешних границ, которое одновременно создает общность между членами группы» [Морозов, 2009. С. 144].

Предметом настоящей статьи являются особенности дискурсивного конструирования России в украинских медиа². Сразу подчеркнем, что Россия занимает особое

место в идентичности украинских граждан и в украинском медийном дискурсе, играя роль конституирующего Другого³.

Это место закрепилось в украинском публичном (и тесно взаимосвязанным с ним медийном) дискурсе в связи с событиями рубежа 80-х – 90-х гг. XX в. В этот период в связи с распадом институциональной и символической структуры советского общества и появлением новых наличных целей основных акторов общественно-политического процесса потребовалось переформатирование символического пространства. Новые условия существования потребовали переопределения многих ключевых институтов, практик и понятий. По сути, имело место учреждение нового политического сообщества, которое «неразрывно связано с процедурой исключения, с установлением политических границ, основанных на антагонизации внешних, “чуждых” идентичностей» [Морозов, 2009. С. 236]. Для конституирования украинской нации требовалось переопределение границ. Подобные процессы характерны для государств, которые Роджерс Брубейкер (Rogers Brubaker) назвал национализирующимися [Брубейкер, 2010]. Украина тоже может быть отнесена к национализирующимся государствам⁴.

Ключевую роль в интериоризации представлений об Украине как целом, ее истории и месте в мире сыграли повседневные практики репрезентации Украины в медийном дискурсе. Определяя Украину, медиа постоянно указывали и значимых Других – географических (ключевое место среди которых занимали Запад, Европа и Россия) и темпоральных (наиболее важными среди которых были Российская империя / СССР и Речь Посполитая / Польша), по отношению к которым и конструировалась национальная идентичность. Конструирование России в украинском публичном (а значит и медийном) дискурсе шло под непосредственным влиянием этнической мобилизации конца 80-х – 90-х гг. XX в. Усилиями украинских интеллектуалов в этот период был выработан новый национальный нарратив взамен утратившего актуальность советского.

¹ См. серьезный анализ данной проблематики на примере России в [Морозов, 2009].

² Понятие «конструирование России» более адекватно, нежели «создание образа России», описывает сложные процессы символического производства, о которых идет речь в статье. «Создание образа» отсылает к другому понятийному ряду и предполагает существование реального объекта и его (интер)субъективного образа (образов), который целенаправленно при помощи определенных технологий конструируется. Однако в рамках конструктивистского подхода, которого автор последовательно придерживается, Россия как целое является дискурсивным конструктом, который не имеет эмпирически фиксируемого референта и иного существования, кроме дискурсивного.

³ Термин Генри Стейтена. Подробнее см.: [Staten, 1984].

⁴ Характеристику Украины как национализирующегося государства см.: [Миллер, 1997].

СМК сыграли ведущую роль в создании нового смыслового поля, реализуя дискурсивные практики создания и поддержания легитимного образа «своей» страны и соответствующего ему образов Других. Видение Украины и ее места в современном мире напрямую связано с пониманием коллективного прошлого. Обретение независимой государственности в историческом нарративе интерпретировалось как финальный акт национального освобождения. На деле этот новый исторический нарратив не был создан с нуля, а явился результатом синтеза схем народнической и эмигрантской историографии, с одной стороны, и советских форм – с другой. Во многом это было связано с тем, что ситуация быстрого обрушения советского государства и всех дотоле поддерживаемых им символических структур поставила украинские политические и интеллектуальные элиты в положение, когда они были вынуждены в экстренном порядке «давать имена вещам». В результате они прибегли уже к имеющимся схемам интерпретации прошлого⁵.

Ключевыми субъектами производства медийного дискурса выступали представители политических и интеллектуальных элит, а также сами журналисты. С одной стороны, медиа были трибуной для суверен-коммунистов, национал-демократов и националистических интеллектуалов, с другой – журналисты внесли весомый вклад в популяризацию знаковых фигур и событий украинской истории и конструирование позитивного образа (европейского) будущего Украины. Политический класс, интеллектуальные элиты и медиасообщество оказались союзниками и партнерами, заинтересованными в легитимации нового смыслового поля и стремящимися представить себя выразителями общенационального единства. Логика суверенизации и конструирования границ учреждаемого украинского политического сообщества привела к формированию трех ключевых означающих: «Украина», «Запад / Европа» и «Россия». Понятия «Запад» и «Европа» (часто используемые как синонимичные) играют узловую роль и в обыденном дискурсе, и в дискурсе масс-медиа, структурируя взгляд украинцев на

самих себя и на окружающий мир. Эти понятия отсылают к идеям прогресса, цивилизации, культуры, процветания (подробнее см.: [Грицай, Николко, 2009. С. 160–182]. Российские исследователи С. Константинов и А. Ушаков обращают внимание, что анти-тезой позитивному образу Запада и Европы, частью которых Украина является, выступает негативный образ России. «Огромное количество книг и публикаций, закрепляющих этот образ, – пишут они, – объединяет настойчивое стремление части политической и интеллектуальной элиты создать новый образ Украины – не только части Европы, но и великой европейской державы, становлению которой мешала и продолжает мешать Россия» [Константинов, Ушаков, 2003. С. 82–83].

России как правопреемнице СССР и Российской империи в этих конструкциях досталась роль негативного Другого. «Неизменная враждебность российских империй к украинскому народу, неисчислимые страдания, которые он претерпел за три века порабощения, были важнейшими составляющими националистического обоснования независимости Украины, а после ее достижения – неприемлемости любых форм союза с Россией как ведущих к реставрации империи» [Кулык, 2010. С. 107]. Подобные интерпретации интеллектуалов как нельзя больше устраивали находившиеся у власти группы. По мнению российского исследователя В. Мироненко, «украинский “политический класс” предпочел выработке принимаемой большинством стратегии модернизации, простое и часто поверхностное противопоставление истории и современного состояния Украины и России, что требовало эксплуатации старых и новых, реальных и надуманных “темных сторон” ее образа»⁶.

Взаимовлияние и взаимообусловленность медийного и обыденного дискурсов привело к тому, что свойственное националистически настроенным интеллектуалам отношение к России достаточно быстро оказалось достоянием массовых представлений. «Образ России, как «империи зла», главного врага украинской государственности и ду-

⁵ Подробнее см.: [Грицак, 2003; Козлов, 2011; Яковенко, 2003], а также: *Касьянов Г.* Национализация истории в Украине. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/01/06/ucraine/> (дата обращения 26.10.2011).

⁶ *Мироненко В.* Образ России в российско-украинских межгосударственных отношениях // Персональный сайт Виктора Мироненко. URL: http://www.mironenko.org/index.php?option=com_content&task=view&id=93&Itemid=38

питателя украинской культуры со страниц оппозиционной националистической прессы переместился в школьные учебники, научные журналы и официальные СМИ», – отмечают С. Константинов и А. Ушаков [Константинов, Ушаков, 2003. С. 82]. Украинский историк Андрей Портнов, изучавший место России в украинских школьных учебниках, пишет: «Россия и образ России сыграли одну из наиболее существенных ролей (наряду с образом Польши) в формировании украинской культурной и политической идентичности. И роль образов этих двух стран – это, прежде всего, роль образцов, от которых следовало отталкиваться, каковым надо было противопоставить себя... Все это влияет на исторический образ России, которая на страницах украинских учебников в роли союзника появляется фактически один раз (в 1654 г.)... а в основном выступает как сильный враг... Русские на страницах учебников – это практически всегда войско, которое ведет себя на Украине нагло и жестоко (от Андрея Боголюбского до большевистского командира Муравьева), имея в виду лишь одно – захват и уничтожение местных демократических традиций (каковые выступают фактически синонимом украинских)» [2010. С. 155–156].

Сделаем оговорку: анализ присутствия «России» и «российского» в украинском медийном дискурсе будет неполным без упоминания о двух идентификационных стратегиях, которые украинский медиаисследователь Володымыр Кулык назвал «украинофонной» и «русифонной» в зависимости от того, какой язык / группа (и добавлю – культура) выступает для их носителей объектом идентификации и защиты (см.: [Кулык, 2007])⁷. Эти стратегии, в значительной степени имеющие региональную привязку, определяют оценку различных общественно-политических проблем, в том числе и восприятие России. Население Восточного и Южного регионов, в отличие от

Западного и Центрального, склонно воспринимать Россию более позитивно, что оказывает влияние и на медийный дискурс региональных изданий. Наличие этих стратегий определяет спор о том, ближе ли украинская история и культура к русской или к западной, в открытой и латентной форме в украинском публичном пространстве он не прекращается на протяжении последних двух десятилетий. Сосредоточимся главным образом на украинофонной стратегии, являющейся доминирующей в украинских медиа, в том числе общенациональных.

В конечном итоге под сложным и взаимопереплетающимся воздействием школы, СМК, собственно политических решений и проч. в украинском дискурсивном пространстве формируется образ украинского прошлого и настоящего истории, целиком укладывающийся в рамки национального нарратива, т. е. рассказа о процессах национального развития через призму телеологии «нации», путешествующей через века. Этот нарратив является инструментом сплочения «своих» и исключения «чужих», способом легитимации власти новых элит.

Националистическая индоктринация оказалась эффективной в силу того, что для нее базовыми метафорами являются метафоры кровного родства и отсылки к родственным чувствам. Эти особенности национализма как идеологии в сочетании с массовым спросом на идентичность (особенно у людей молодого и среднего возраста) привели к быстрой натурализации националистической идеологии (т. е. идеологические конструкции начали восприниматься как здравый смысл).

Подчеркну, что роль медиа в формировании установок и рамок восприятия действительности за пределами личного опыта достаточно высока. Именно СМК способствуют укоренению представлений, задающих рамки восприятия текущих событий. В дальнейшем происходит лишь узнавание знакомых сюжетов, тем, образов. В конечном счете, в изображении (медиапроизводителями) и восприятии (медиапотребителями) России актуализируются многие из идеологических представлений, усвоенных в процессе социализации и интериоризации медийного образа России.

Переходя к анализу текущей ситуации, отметим, что в украинском медийном дискурсе репрезентация событий в своей стране

⁷ Подобный подход представляется весьма продуктивным в силу того, что этноязыковая ситуация на Украине характеризуется значительной пестротой. При реальном двуязычии основной массы населения доминирующий язык не определяет идентичности лиц, его использующих более часто. На практике это означает, что украинофонные требования ограничения сферы применения русского языка нередко формулируются людьми, основным языком для которых является русский.

занимает больше места, чем информирование о событиях за рубежом. Специфика форматов СМК делит размещаемую информацию, а тем самым и весь мир, на «внутреннюю» и «внешнюю» части. По данным В. Кулыка⁸, для шести основных украинских телеканалов («1-й национальный», «1 + 1», «Интер», СТБ, «5 канал» и «Україна») доля сюжетов, посвященных исключительно зарубежной тематике, составляет около 20 % [Кулик, 2009. С. 165].

Несмотря на культурную близость, которая делает события, происходящие в России, понятными и журналистам, и аудитории, события, происходящие в России, не находят освещения сколько-нибудь более пристального, нежели таковые же в других странах. «Среди других упоминаемых стран по количеству текстов преобладают западные, в частности США, тогда как о России и остальных соседях большинство украинских изданий и каналов говорят мало», – отмечает В. Кулык [Там же]. Приводимые им данные демонстрируют, что сюжеты о России составляют для шести основных телеканалов пятую часть общего числа сюжетов о зарубежных событиях, в то время как событиям в западных странах посвящено 40–60 % сюжетов [Там же. С. 166]⁹.

С одной стороны, «Россия» присутствует в украинском медийном дискурсе как «страна», «государство», выступающее для многих журналистов и публичных интеллектуалов значимым Другим – недружественным, таящим скрытую угрозу и имеющим генетическую связь с имперской традицией Московского царства, империи Романовых и СССР. Например, директор Книжной палаты Украины М. Сенченко в статье, посвященной проблемам современных украинских СМИ, призывает: «Не нужно забывать также и об огромном влиянии нашего восточного соседа – России, которая на протяжении многих веков формировала мировоззрение украинского народа в соответствии со своими имперскими амбициями» [2005. С. 19].

⁸ В. Кулык рассматривал украинские медиа на примере выбранной наугад последней недели марта 2008 г.

⁹ Весьма симптоматично, что В. Кулык сравнивает число сюжетов о России не с сюжетами об отдельных западных странах, а с количеством сюжетов обо всех этих странах.

Необходимо отметить, что некоторые российские политики¹⁰ часто сами создают благодатную почву для упреков России в имперской политике, отказывая Украине в праве на признание ее суверенитета. Украинские СМК обязательно фиксируют внимание на антиукраинских выпадах российских политиков, трактуя их как подтверждение агрессивных намерений России по отношению к Украине. Различия между официальными представителями Российской Федерации (президент, председатель правительства), имеющими право выступать от лица Российского государства, и политиками, озвучивающими свою собственную позицию, как правило, не делаются. Часто не делаются и различия между «Россией», «российским государством», «российским обществом» и «российским политическим режимом». Это поддерживает образ недифференцированной враждебной России.

Ту же роль играют и освещение российско-украинских межгосударственных конфликтов. Такие события, как «газовые войны», российско-грузинская война 2008 г., договор о продлении пребывания Черноморского флота в Севастополе реактивируют негативный образ России.

Помимо сюжетов, связанных с внешнеполитической активностью России (безотносительно ее связи с отношениями с Украиной), значительное внимание уделяется событиям, нарушающим привычное течение дел: терактам, катастрофам, внутриполитическим конфликтам.

В результате для многих украинских СМК доля негативной информации о России оказывается более значительной. Проведенный социологической группой Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) контент-анализ ежедневной газеты «День» показал, что в 2009 г. «из 484 материалов о России и российско-украинских отношениях 113 могут считаться позитивными, 185 – негативными и 186 – нейтральными» [Бордюгов, 2011. С. 187].

С другой стороны, «российское» появляется как культурно близкое в неполитической тематике. Более того, грань между «своим» и «российским» как Другим часто оказывается легко проницаемой. Главная

¹⁰ Особенно выделялись на этой стезе В. В. Жириновский, К. Ф. Затулин, Ю. М. Лужков, С. А. Марков.

причина этого лежит в технологической плоскости. Поскольку в процессе производства новостей большое значение имеют сложность и цена получения материала, украинские медиапроизводители (в силу культурной и языковой близости) часто отдают предпочтение контенту, который они получают из российских СМК и информационных агентств. Преобладание российских источников объясняется традицией использования российской информационной инфраструктуры и худшим знанием журналистами английского языка по сравнению с русским.

Украинские медиаисследователи указывают на значительную роль российского контента. В. Кулык отмечает «распространенное обращение к российским источникам для представления событий не только в самой России, но и в других странах мира, даже на Украине ... (к западным авторам обращаются намного реже)» [Кулик, 2009. С. 169]. М. Сенченко с тревогой пишет о «вторичности информации, суждений [появляющихся в украинских медиа. – С. К.], когда журналисты, как правило, не утруждают себя сбором и анализом информации, а удовлетворяются той, что берут из разных источников: Интернета, телеграфных агентств, газет, телевидения... Если вычеркнуть из такого текста цитирование западных и российских газет, останется 10–15 процентов авторского текста» [2005. С. 12].

Важным фактором, поддерживающим особое место России в украинском медийном дискурсе, является постоянное внимание журналистов к ее популярной культуре. Чаще всего этот интерес проявляется на страницах газет, посвященных культуре (а не новостям, где материалов о культуре вообще крайне мало). Иногда российским деятелям шоу-бизнеса газеты (особенно имеющие русофонную ориентацию) отводят даже больше места, чем украинским. «Например, в газете “Сегодня” в течение последней недели марта 2008 г. на страницах под рубрикой “Культура” российским деятелям было посвящено 11 текстов из 20, тогда как украинским – всего 3. А если прибавить к таким страницам те, где речь идет (по большей части в жанрах интервью, очерка и репортажа) о “звездах” кино, популярной музыки, светской жизни, моды и тому подобное, то в ориентированных на русскую культуру изданиях доля материалов о ней

или превышает долю “украинских”, или лишь немного ей уступает» [Кулик, 2009. С. 171]. Важно отметить, что русофонные издания часто не указывают национальной принадлежности российских деятелей шоу-бизнеса, что приравнивает их к «своим» знаменитостям¹¹. Популярность российских медиаперсон у массовой украинской аудитории заставляет редакторов даже тех газет, которые по идеологическим причинам предоставляют преимущество украинской культуре над русской, уделять им значительное внимание.

Еще одним каналом поступления российского контента на украинский медиарынок является приобретение российских телепередач (кинофильмов, сериалов, юмористических и музыкальных программ, реалити- и ток-шоу неполитического характера), которые охотно закупаются украинскими медиапроизводителями как в силу их дешевизны, так и по причине их большей по сравнению с западными привлекательности для аудитории. «Эту привлекательность предопределяет не только понятность русского социально-культурного контекста, но и популярность, “близость” для украинской аудитории русских актеров, певцов, юмористов и т. п., которую в то же время и творит их постоянное присутствие на телевидении и радио, в газетах и в сопутствующих культурно-потребительских практиках. Поэтому российские... программы... занимают в украинском телеэфире то место, которое обычно принадлежит национальным продуктам, где “свои” исполнители представляют разные аспекты “своего” общества» [Там же. С. 173].

Зависимость украинского медийного (прежде всего телевизионного) рынка от российского вызывает крайнюю озабоченность многих украинских интеллектуалов, видящих в этом угрозу потери национальной идентичности и даже суверенитета. Усиливает подобные алармистские настроения и ситуация, в которой русский язык является доминирующим в украинских медиа. В. Жугай так характеризует сложившуюся ситуацию: «Как в никакой другой посткоммунистической стране, кроме Беларуси, на

¹¹ В частности, газета «Сегодня» представляет трех российских культурных деятелей как «популярного певца и композитора», «лидера культовой рок-группы» и «легендарного актера театра и кино».

Украине сложилась аномальная ситуация с маргинальным положением украинской культуры и, прежде всего, языка. Ни украинская пресса, ни тем более, украинское телевидение не стали украинскими» [2006. С. 52]. Носители украинофонной идеологии склонны расценивать русский язык не столько как «язык одной из групп граждан Украины, сколько как язык другого государства и еще в большей степени язык империи, до сих пор не ушедшей в прошлое» [Кулык, 2007. С. 302]. При этом определение русского как языка империи чаще всего открыто не декларируется, а неявно присутствует в утверждениях, увязывающих расширение сферы применения русского языка с потерей суверенитета. Так, в материалах газеты «День», касающихся принятия проекта закона «Об основах государственной языковой политики», Россия даже не упомянута, однако журналисты и комментаторы рисуют ситуацию так, что «речь [идет] о сохранении государственности», о посягательствах «на саму жизнь нации» (День. 2012. 5 июля). Разумеется, читателям давно известно, кто именно посягает и на украинскую государственность, и на жизнь нации.

Представляется, что подобные идеологически мотивированные алармистские подходы не учитывают того обстоятельства, что и контент российского происхождения, и сам русский язык как инструмент коммуникации используются преимущественно на обыденном уровне и поставить под угрозу легитимное видение окружающей политической действительности не в состоянии. Развлечение не связано с символическим производством представлений об устройстве (украинского) общества и его институтах. Смыслы и интерпретационные схемы для понимания политического берутся не из российских сериалов и развлекательных шоу, а из идеологических по своему характеру текстов безотносительно языка, на котором они созданы. Российский контент не способен переопределить внешнюю для украинских аудиторий позицию России и преодолеть антагонизацию российской идентичности в их символическом универсуме¹².

¹² В этой связи следует указать на утвердившийся в социологии массовой коммуникации взгляд на активный характер самих аудиторий, способных самостоятельно принимать или отвергать предлагаемые им

Анализ текстов украинских печатных изданий за произвольно взятое число¹³ показал, что статьи, посвященные непосредственно России, являются нечастым явлением¹⁴. Несмотря на отсутствие в этот период сколько-нибудь значимых межгосударственных конфликтов, в подавляющем большинстве материалов, касающихся непосредственно России и российско-украинских отношений, Россия предстает в негативном свете. Рассмотрим, о чем и как пишут украинские медиа, подробнее.

Две крупных статьи в газете «Комментарии» посвящены российской политике. Первая («Репринт императора») проводит параллели между путинским правлением и правлением Николая I. Рефреном второй статьи, посвященной наводнению на Кубани, оказывается неэффективность Российского государства: «Государство, которое систематически не справляется с одной из двух своих функций – охранительной, нередко злоупотребляя второй – карательной, реформировать невозможно» (Комментарии. 2012. 27 июля).

Две статьи, опубликованные в «Зеркале недели», посвящены российской истории (Синопской битве и приказу «Ни шагу назад»). И в обеих разоблачаются исторические мифы, связанные с победами российского и советского оружия (Зеркало недели. 2012. 27 июля – 3 августа). Сходную проблематику затрагивает и статья в «Украинской правде» «Ребрендинг забытых предков: зомби вместо теней», посвященная российским историческим памятникам и делающая акцент на присущей им агрессивности, характеризующей Россию в целом. Резюмируя свой рассказ, ее автор пишет: «Подавленная агрессия и неприкрытая угроза – это не то, чем занималась классическая русская культура. Но эти времена прошли. Российское общество сейчас измощено ненавистью и неудовлетворенными амбициями, необоснованным чувством превосходства и фрустра-

интерпретации (подробнее см.: [Медиа..., 2005]). Однако рассмотрение медиаэффектов выходит за рамки настоящей статьи.

¹³ Была выбрана последняя пятница июля (27 июля 2012 г.) – день, когда выходят многие еженедельники.

¹⁴ Были проанализированы электронные версии девяти следующих изданий разной направленности: «Вечерние вести», «Газета по-украински», «День», «Зеркало недели», «Комментарии», «Сегодня», «Україна молода», «Україньська правда», «Факты и комментарии».

цией на почве недостатка признания со стороны окружающих» (Україньска правда. 2012. 27 липня).

Газета «День» предлагает своим читателям интервью с историком Юрием Шаповалом, в котором он говорит о необходимости активно противостоять российскому культурному влиянию, которое угрожает Украине: «Россия никак не может успокоиться и признать, что более 20 лет существует независимое государство Украина. И потому делаются всевозможные попытки под разными предлогами заявить, что все мы – славяне, все – один народ и, соответственно, нам нечего делить. Людей элементарно запутывают» (День. 2012. 27 июля). Еще более мрачными красками описывает ситуацию автор другой статьи, философ Евгений Андрос. Он рисует картину политических и военных угроз, которые несет неевропейская Россия независимому украинскому государству: «Все свидетельствует о том, что Россия... так и не смогла приобщиться к европейским ценностям и предстать государством таким же, как все другие, которая осознает свои пределы, свои границы и сосредоточена на обустройстве своей внутригосударственной жизни... На передний план опять вышли имперские амбиции... Относительно же нашего государства опять воцарилась ужасающая для Украины мысль о том, что без Украины, ее экономического и человеческого потенциала Россия как империя состояться не может». В других материалах газеты «День», непосредственно российско-украинским отношениям не посвященных, развенчиваются российские экономисты из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (их именуют «российскими гадалками в научных мантиях»), давшие неблагоприятный прогноз развития экономики Украины, и обнаруживается сходство действующей украинской власти и «российского имперского авторитаризма (с очевидными тенденциями перерастания в тоталитаризм) с его патологической ненавистью к украинской национальной идентичности, ко всему тому, что делает ее возможной» (День. 2012. 27 июля).

Резкие обвинения против России звучат в интервью народного депутата Украины Ярослава Кендзьора, опубликованном в газете «Україна молода»: «прожорливая Россия, которая через свою агентуру использу-

ет украинское “янычарство”, чтобы не позволить утвердиться нашему государству в качестве национального и демократического... Российская агентура на Украине работает абсолютно откровенно и вполне легально. Особое засилье спецслужб наблюдается в Крыму и в сессионном зале Верховной Рады» (Україна молода. 2012. 27 липня).

Таким образом, практически во всех материалах, в которых Россия не просто упомянута, воспроизводится ее недифференцированный образ как принципиально незападного, авторитарного и агрессивного государства, политически и культурно угрожающего украинской независимости. Ни одного материала, посвященного России, который можно было бы назвать позитивным, 27 июля 2012 г. в рассмотренных изданиях опубликовано не было¹⁵.

* * *

Дискурсивное конструирование России в медиа на протяжении становления и существования независимого украинского государства являлось важным элементом создания и воспроизводства современной украинской национальной идентичности. Последняя во многом была сформирована за счет определения границ с исторической (Российская империя / СССР) и политической (Российская Федерация) Россией. Созданный в период этнической мобилизации рубежа 80-х – 90-х гг. XX в. коллективными усилиями заинтересованных в скорейшей суверенизации Украины политических и интеллектуальных элит негативный образ России сохранил свою роль конституирующего иного и поныне. Украинское государство и его независимость (от России) являются в украинском публичном дискурсе абсолютной ценностью. В этой связи действия недифференцированной России воспринимаются и трактуются значительной частью украинских медиа как агрессивные, экспансионистские и направленные на ликвидацию независимого существования украинского государства. Российский контент, присутствующий в значительном объеме на украинском медийном рынке, носит преимущественно развлекательный характер

¹⁵ Даже несмотря на то, что такие газеты, как «Сегодня» и «Факты и комментарии» на Украине часто называют пророссийскими.

и не влияет на идеологически мотивированное отношение к России.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

Биллиг М. Повседневное упоминание о Родине // *Логос*. 2007. № 1. С. 34–71.

Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.

Брубейкер Р. Национальные меньшинства, национализирующиеся государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе // *Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: В 3 т. / Под ред. Э. Яна*. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. С. 149–173.

Грицай Е., Николко М. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. Вильнюс: ЕГУ, 2009. 220 с.

Грицак Я. Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 423–454.

Жугай В. Зміни у медіа просторі України після помаранчевої революції // *Культура народів Причорномор'я*. 2006. № 91. С. 48–52.

Козлов С. В. Политика памяти как компонент суверенизации Украины // *Волны перемен и альтернативы развития: Материалы Междунар. междисциплинарной науч. конф.* Новосибирск, 2011. С. 115–120.

Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 82–88.

Кулаков А. Трансформації мови українських медій: ключові концепти як підвалини їхнього розвитку // *Україна модерна (Перекладаючи культуру / Культура перекладу)*. Київ-Львів, 2010. Ч. 16 (5). С. 87–112.

Кулик В. Роль українського медійного дискурсу в творенні національної ідентич-

ности // *Україна модерна (Пам'ять як поле змагань)*. Київ; Львів, 2009. Ч. 15 (4). С. 155–174.

Кулык В. Национализм в Украине. 1986–1996 годы // *Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: В 3 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2: Национализм в национальных государствах*. С. 101–126.

Кулык В. Языковые идеологии в украинском политическом и интеллектуальном дискурсах // *Отечественные записки*. 2007. № 1. С. 296–316.

Медиа: Введение / Под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 347–355.

Миллер А. Дуализм идентичностей на Украине // *Отечественные записки*. 2007. № 1. С. 84–96.

Миллер А. И. Украина как национализирующееся государство // *Pro et Contra*. 1997. Т. 2, № 2. С. 85–98.

Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 656 с.

Портнов А. В. Упражнения с историей по-украински. М.: ОГИ; Полит.ру; Мемориал, 2010. 224 с.

Сенченко М. Незалежність України і ЗМІ // *Персонал*. 2005. № 9. С. 10–19.

Черных А. И. Ритуалы в медиатизированном обществе: Препринт WP14/2012/03. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 56 с.

Яковенко Н. «Украина между Востоком и Западом»: проекция одной идеи // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 385–426.

Staten H. Wittgenstein and Derrida. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1984.

Список источников

Андрос Е. Трагизм на путях эволюции, или О дефиците социального оптимизма // *День*. 2012. 27 июля.

Дзюба И. Законопроект на крови // *День*. 2012. 5 июля.

Ильченко С., Кафтан А. Репринт императора // *Комментарии*. 2012. 27 июля.

Капсамун И., Томак М. 20-летие поражений: последствия // *День*. 2012. 5 июля.

Кафтан А. Крымская трагедия как зеркало русской души // *Комментарии*. 2012. 27 июля.

Кирпичев Ю. От Синопа – к Цусиме // Зеркало недели. 2012. 27 июля – 3 августа.

Княжанский В. Соседи презентовали Украину как зону долгосрочной неустойчивости // День. 2012. 27 июля.

Лосев И. С наступления на свободу СМИ все только начинается // День. 2012. 27 июля.

Лубчак В. Визуализация истории – это насущная необходимость XX века // День. 2012. 27 июля.

Перепада В. Ребрендинг забытых предків: зомбі замість тіней // Українська правда. 2012. 27 липня.

Таратухин С. Кто у кого учился, или «Ни шагу назад!» // Зеркало недели. 2012. 27 июля – 3 августа.

Щепа А. Ярослав Кендзьор: Лише правда вилікує хвороби опозиції // Україна молода. 2012. 27 липня.

Матеріал посту́пил в редакцію 13.08.2012

S. V. Kozlov

THE PLACE OF RUSSIA IN THE UKRAINIAN MEDIA DISCOURSE

The article investigates the historical context and the patterns of mass media influence on the establishment and maintenance of the Ukrainian national identity. The article identifies the place of Russia in the Ukrainian media discourse and illustrates shaping the image of Russia in the public knowledge.

Keywords: mass communication, media discourse, Ukraine, national identity, discourse-related construction of the image of Russia.